

ИСТОРИЯ – ЛИЧНОСТЬ – БИОГРАФИЯ

М. А. БАЗАНОВ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ КОНТУРЫ НОВОГО ЖАНРА В РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Автор анализирует российские и украинские работы, посвященные специфике жанра интеллектуальной биографии. На основе их изучения, а также собственного опыта создания интеллектуальной биографии он предлагает интерпретации объекта и предмета исследования нового жанра.

Ключевые слова: интеллектуальная биография, интеллектуальная история, новая биографическая история, объект исследования, предмет исследования, жанр исторической литературы, рефлексия, теория и методология исследования.

В 2001 г. философ О.Д. Волкогорова выпустила в свет книгу, озаглавленную ею как «Н.А. Бердяев: интеллектуальная биография»¹. Она стала первым исследованием в России, заявленным в качестве этого сравнительно нового для отечественной историографии жанра². За прошедшие с этого момента полтора десятилетия последовал еще ряд статей и монографий конкретно-исторического характера³. Однако это обилие работ соседствует с чрезвычайно слабой теоретической рефлексией об их основах. Подавляющее большинство авторов, употребляя данный термин, не поясняют, что, собственно, они под ним подразумевают. Как правило, все сводится к фразе о том, что интеллектуальная биография ставит в центр своего внимания исключительно внутренний мир изучаемых персонажей, и на этом разговор о новом жанре завершается.

В сложившейся ситуации нет ничего катастрофического или однозначно негативного. Ситуация, когда конкретно-исторические разыскания, в которых на основе анализа эмпирического материала происходит развертывание новых принципов и методов исследования, предваряют

¹ Волкогорова 2001.

² Отметим, что сам термин «интеллектуальная биография» как наименование особого исследовательского жанра фигурировал в российской исторической литературе и ранее. Так, А.Я. Гуревич назвал «интеллектуальными биографиями» ряд работ французского историка Л. Февра (см.: Гуревич 1993. С. 45). Однако нам не известно ни одного случая (до 2001 г.), когда сами авторы исследований относили бы свои труды к этому жанру.

³ Перечислим лишь некоторые из них: Воробьева 2003; Емельянов 2003; Мочкин 2005; Шестаков 2006; Хатунцев 2007; Казаков 2008.

появление теоретико-методологических работ оптимальна. Это позволяет избежать создания абстрактных схем, не соотносящихся с источниковой реальностью. Однако полтора десятилетия существования и даже некоторая популярность нового жанра обязывают подвести итоги. Обратимся к немногочисленным попыткам сформулировать его специфику.

Полагаю, что у концепта «интеллектуальной биографии» был весьма любопытный, но несколько подзабытый предшественник. В 1999 г. в сборнике «Персональная история» появилась статья Д.М. Володихина «Экзистенциальный биографизм в истории»⁴. Отправной точкой его рассуждений стало признание за исторической наукой помимо прочих «экзистенциальной функции». Прошлое человечества, подчеркивал автор, содержит немало фактов о том, каким образом люди определяли смысл и назначение своего существования, как они его реализовывали, какой способ существования был ими избран. Тако опыт мог бы значительно помочь современному человеку в процессе его жизнеположения. Однако, считает Володихин, привычная методология не в состоянии вычлнить необходимые для этого сведения. Традиционные исторические исследования направлены на изучение общих законов исторического развития, в то время как для последователя «экзистенциального биографизма» «определяющее значение получает особенное, единичное, индивидуальное». Составитель «экзистенциальной биографии» должен работать с «динамикой психологического мира индивида». К числу вопросов, которые должен выяснить ученый, Д.М. Володихин относит: избранный изучаемым персонажем смысл и способ существования, моменты их выбора и степень следования ему, причины выбора, и, «в итоге», то, как «он решал проблему адаптации к собственному небессмертию и решил ли».

Такие цели формируют отличное от традиционного отношение к источникам. Главными становятся «продукты сознательного творчества индивида», «отзывы современников или близких людей персонажа» и «кинофотодокументы», в то время как «на второй план» отходят «документальные источники». Источниковой базе придается громадное значение. Если материалы, оставшиеся от изучаемого персонажа, не содержат в себе ответов на интересующие «экзистенциального биографа» вопросы, он должен отказаться от проведения исследования, оставив всякие попытки восполнить пробел косвенными источниками и реконструкциями.

Главным следствием подобной «оптики зрения» становится отход на задний план экономического, политического и культурного контекста, в котором жил изучаемый персонаж. Общественная деятельность не представляет интерес для «экзистенциальной биографии», ей интересно только сознание исследуемого исторического героя. Поэтому при выбо-

⁴ Володихин 1999.

ре объекта не имеет значения его прижизненная или посмертная слава, можно исследовать жизнь рядового человека, но если «для разработки выбрана личность масштаба Наполеона, то это, скорее всего, Наполеон без Ваграма, Аустерлица и Ватерлоо»⁵.

Конечно же, столь провокативная как по своим идеям, так и по стилистике статья не могла не вызвать критики. В роли главного оппонента «экзистенциального биографизма» выступила Л.П. Репина⁶. Основной мишенью ее замечаний стали высказывания Д.М. Володихина о незначительной роли контекста в «экзистенциальной биографии», поскольку это противоречит самим принципам биографического анализа как такового. Человек является продуктом, порождением социокультурной ситуации своего времени, а, значит, нет никакой возможности отсечь ее от него. Любые действия человека разворачиваются именно в социальной среде, сами по себе они не подлежат трактовке и пониманию.

Д.М. Володихин достаточно кратко и емко ответил на эти замечания в небольшой трехстраничной статье⁷. Он назвал тенденциозной трактовку своих высказываний, в частности фразы о «Наполеоне без Ваграма, Аустерлица и Ватерлоо». Историк подчеркнул, что он вел речь не об отказе от изучения контекста, но просто об иной оптике исследования, в которой ценность будут представлять не социальные действия (битва), но их отражение и влияние на сознание исторического субъекта (Наполеона). Подобная тенденциозность в оценке его высказываний, полагает Д.М. Володихин, является следствием того, что он и Л.П. Репина принадлежат к противоположным «платформам микроистории». Для наиболее распространенной среди историков «платформы» характерен взгляд на единичный случай как проявление общей закономерности, биография для них лишь один из способов постижения социального окружения персонажа и обстоятельств эпохи в целом, для Д.М. Володихина же она представляет ценность сама по себе. Полагаем, что возражения Д.М. Володихина против прозвучавшей в его адрес критики обоснованы. Стоит добавить, что помимо прочего непониманию способствовал и свойственный ему художественный, литературный язык изложения (широкой публике автор более известен как писатель-фантаст), открывающий поле для множественности трактовок.

Можно было бы привести немало иных критических замечаний к данной работе. Так, например, ее автор весьма эмоционально подчеркивал новаторство провозглашаемых им принципов, хотя ряд их уже находил свое отражение в предшествующей литературе. Не совсем ясно то,

⁵ Там же. С. 4-6, 9.

⁶ См., напр.: Репина 2002.

⁷ Володихин 2002.

как изучение совершенно уникальных, а, значит, невозпроизводимых в дальнейшем случаев может помочь в определении собственного жизненного опыта для современных исследователей или читателей подобных биографий? Да и столь уж неповторимы и уникальны эти казусы? Кроме того, стоит ли ограничиваться в изучении персонажа исключительно теми вопросами, на которых ориентирует исследователя Д.М. Володин? Однако важно другое – впервые было заявлено создание нового жанра историко-биографического исследования, в центре которого – исключительно сознание и психика исследуемого индивида, что и является основной, наиболее общей (и часто озвучиваемой) характеристикой интеллектуальной биографии. Однако в дальнейшем термин «экзистенциальная биография» распространения в литературе не получил.

В 2002 г. А.М. Нейман предварил свою статью о Дж.М. Кейнсе экскурсом в становление жанра биографических исследований в историко-экономических исследованиях, представив их типологию, разработанную американским экономистом Д. Уокером. Были выделены следующие виды: во-первых, биография личности, включающая сведения о личной жизни ученого (место и время рождения и смерти, детали личной жизни, характер и психологические склонности); во-вторых, профессиональная биография, интересующаяся его положением в научной среде и профессиональной деятельностью; в-третьих, библиографическая биография – анализ научных построений ученого; в-четвертых, ситуационная биография, или биография среды, предполагающая выяснение социально-экономического и политического контекста, в котором жил и творил изучаемый персонаж⁸. Свою статью Нейман заявил в качестве интеллектуальной биографии, следовательно, данная типологизация рассматривалась им как универсальная для интеллектуальных биографий.

Л.П. Репина, обозначая специфику интеллектуальной биографии⁹, связала рождение нового жанра со сближением в 1980-е гг. интеллектуальной и новой социальной истории, появлением таких новых направлений, как история интеллектуалов и новая биографическая история. В рамках последней «речь идет не просто о воссоздании перипетий индивидуальной судьбы, а об историческом исследовании непрерывного движения индивида по своему жизненному пути и о его многообразных интеракциях в меняющемся социально-интеллектуальном пространстве». Появление нового жанра было ознаменовано весьма ожесточенными спорами. Фактически, полагает Л.П. Репина, центральным их моментом стал вопрос о соотношении жизни (повседневных жизненных практик) изучаемого мыслителя и выдвигаемых им идей. Критики био-

⁸ Нейман 2005. С. 333.

⁹ Репина 2006.

графического анализа видели эти сферы автономными по отношению друг к другу, в то время как сторонники подчеркивали их взаимосвязь. Постепенно в повседневной историографической практике возобладала точка зрения последних, фактически общепризнанным стало суждение о том, что «без биографического измерения интеллектуальной жизни понимание самих идей оказывается неполным». «Характерной чертой современной интеллектуальной биографии» отмечает Л.П. Репина, «является синтез биографического, текстуального и социокультурного анализа»¹⁰. Исследование при этом может носить как синхронный, так и диахронный характер. В первом случае в качестве интеллектуального контекста будет фигурировать тот социокультурный фон, на котором разворачивается деятельность изучаемого персонажа (а вместе с ним, возможно, и период, предшествующий исследуемому моменту), во втором случае он существенно расширяется за счет включения в него современного составителя биографии состояния его отрасли знания и видения перспектив ее развития. Глубокое, основательное погружение в контекст актуализирует внимание и к так называемым фигурам «второго плана», мыслителям, не удостоившимся звания классиков и крупных авторитетов своей эпохи, но в то же время творчеством и деятельностью своей составлявших тот самый фон, на котором протекала работа впоследствии признанных классиками ученых.

Наиболее информативной работой об особенностях жанра интеллектуальной биографии представляется статья П.А. Алипова¹¹. Если его предшественники пытались сформулировать собственное понимание основ нового жанра, то Алипов обратился к уже существующим примерам его воплощения в конкретных исследованиях¹². В целом он был вынужден констатировать отсутствие у ученых единства в понимании основных методологических установок интеллектуальной биографии, но проведенное им сопоставление исследований, заявленных их авторами в качестве таковых, позволило выделить ряд объединяющих черт. Во-первых, в фокусе каждой из них была «трансформация воззрений индивида по основополагающему предмету его непосредственной творческой или научной деятельности». Причем особое внимание уделялось поиску «статичного ядра», которое, в отличие от окружающих его «динамических элементов», оставалось неизменным с момента появления. Во-вторых, подобный

¹⁰ Там же. С. 102, 104, 106-107.

¹¹ Алипов 2011.

¹² Стоит, впрочем, отметить, что автор сумел привлечь далеко не все существующие на момент написания статьи интеллектуальные биографии. Особенно досадно выглядит отсутствие среди них ряда публикаций в периодическом издании «Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории». Несмотря на это, впрочем, полагаем, что задействованный П.А. Алиповым материал репрезентативен.

анализ производился с учетом «внутреннего и внешнего контекстов, в которых протекало становление теорий и концепций изучаемого персонажа». Главная роль в трансформации взглядов мыслителя отводилась «именно внутреннему контексту, то есть тем веяниям, которые приходили изнутри той профессиональной группы, к которой он принадлежал». В-третьих, П.А. Алипов отметил, что в работах «допускается углубленное рассмотрение отдельных этапов биографии индивида... если они имеют ключевое значение в процессе его общего идейного развития»¹³.

Спорадически предпринимались и другие попытки поднять вопрос о специфике интеллектуальной биографии. Так, М.П. Лаптева¹⁴ выступила за изучение интеллектуальной интуиции как неотъемлемой составной части биографического исследования, поскольку интуиция играет не меньшую роль в духовной жизни человека, чем рациональное мышление. Однако осталось неясным, что следует понимать под интеллектуальной интуицией и какие исследовательские приемы требуются для ее изучения. О.Б. Леонтьева сконцентрировала внимание на вопросе о соотношении биографического и автобиографического текста (если таковой имеется)¹⁵. Для примера ею были взяты «Самопознание» Н.А. Бердяева и две его биографии авторства О.Д. Волкогоновой и А.В. Цветкова-Вадимова. Волкогонова фактически следует за своим персонажем, раскрывая и поясняя то, что тот говорил о себе сам, в то время как Цветков-Вадимов стремился заполнить имеющиеся в автобиографии лакуны. Ответа на вопрос о том, какой из двух подходов автор считает наиболее адекватным и соответствующим задачам интеллектуальной истории, Леонтьева не дает.

Концепт «интеллектуальная биография» получил распространение и в украинской историографии¹⁶. В.В. Вашенко в качестве предтечи интеллектуальной биографии рассматривает такой популярный в англоязычной литературе 1960–1970-х гг. жанр, как «научная биография»¹⁷. Благодаря В.С. Чишко и Н.И. Любовец он был перенесен и в украинскую историческую науку. Последняя, на основе изучения зарубежной литературы, выделила следующие принципы, которыми должен руководствоваться составитель «научной биографии»: во-первых, компетентность (автор должен быть «профессионально подготовленным в области той науки, к которой относят основные труды ученого»); во-вторых, интердисциплинарность (комплексный характер исследования, сочетание методов разных гуманитарных научных дисциплин); в-

¹³ Алипов 2011. С. 18–19.

¹⁴ Лаптева 2012.

¹⁵ Леонтьева 2013.

¹⁶ К сожалению, в силу недоступности для нас значительной части украинской литературы мы будем вынуждены ограничиться лишь несколькими работами.

¹⁷ Ващенко 2009.

третьих, учет науковедческого контекста исследования; в-четвертых, учет социоисторического контекста исследования. Однако, отмечает Ващенко, уже на пике своей популярности жанр «научной биографии» подвергался жесткой критике, фактически оставшейся незамеченной ее украинскими сторонниками. Такие ученые, как Э. Чарггафф, Х. Шарлин, С. Гаукрогер и Э. Хенней, называли в числе ее недостатков увлечение «внешними» сторонами деятельности ученого, пренебрежение его личной жизнью, сведение рассказа о нем к простому хронологическому повествованию об основных событиях его жизни. В противовес «научной биографии» и был выдвинут концепт «интеллектуальной биографии». Внимание в нем перенесено на внутренний мир исследователя. Перед составителем интеллектуальной биографии, согласно В.В. Ващенко, стоят две основные задачи: во-первых, выяснить генезис и сущность интеллектуальных достижений субъекта; во-вторых, «установить рациональность субъекта в терминах его мотиваций»¹⁸. Иначе говоря, авторы исследуют «внутреннюю логику», которая определяет выбор ученым той или иной научной методологии. В свою очередь смена методологических ориентиров субъекта для биографа является надежным ориентиром для периодизации его жизненного пути.

Менее обстоятельна статья В.Н. Андреева¹⁹. Как и Л.П. Репина, он связывает возникновение нового жанра с обновлением интеллектуальной истории, проникновением в нее методологических принципов новой биографической истории. Суммируя известные ему высказывания об интеллектуальной биографии, автор сделал вывод, что «отличие интеллектуальной биографии от привычного жанра традиционной биографии заключается в том, что жизнь отдельного человека, формирование его внутреннего мира, вклад в развитие внешнего мира выступает и как цель исследования, и как средство познания исторического социума, который творится им и включает их самих»²⁰. Интеллектуальная биография предполагает синтез всех сфер жизни и деятельности субъекта, она не сводится к перечислению событий его жизненного пути, а вскрывает механизм, логику развития внутреннего мира персонажа. Кроме того, в силу расширения предметного поля интеллектуальной истории В.Н. Андреев ставит и вопрос об обращении составителей интеллектуальной биографии к жизненному пути тех, чей профессиональный и социальный статус не позволяет причислить их к интеллектуалам.

Остается еще раз констатировать недостаточность работ, посвященных теоретико-методологическим основам интеллектуальной биогра-

¹⁸ Там же. С. 477, 481.

¹⁹ Андреев 2011.

²⁰ Там же. С. 338.

фии²¹. Ее многочисленные конкретно-исторические воплощения здесь анализироваться не будут в силу слабой методологической рефлексии их авторов. Однако, учитывая известные нам исследования и опираясь на свой опыт создания интеллектуальной биографии²² полагаю возможным высказать ряд собственных суждений об основах нового жанра.

Главной проблемой, без решения которой вообще не имеет смысла говорить о жанре интеллектуальной биографии, является вопрос об объекте и предмете. Сложилась парадоксальная ситуация: авторы декларируют новизну жанра именно исходя из специфического предмета исследования, но в то же время не дают четкого его определения. Своего рода общим местом стало утверждение о том, что внимание исследователей в них приковано к внутреннему миру человека, его мировоззрению, в противовес его направленной «вовне» общественной деятельности. Подобная трактовка представляется излишне упрощенной, требующей уточнения и переформулирования, нуждающейся в конкретизации.

Практически все, кто касался основ нового жанра, подчеркивали значимость социокультурного, интеллектуального контекста, вне обращения к которому изучение интеллектуальной жизни избранного персонажа представляется невозможным (за исключением Д.М. Володихина). Конечно, этот акцент можно было бы отнести на счет особенностей биографического метода в целом, как раз предполагающего анализ деятельности индивида в тесной связи с его общественной средой, но есть и иное, более существенное объяснение. Основатель феноменологии Э. Гуссерль в качестве одного из базовых признаков человеческого сознания назвал интенциональность – его направленность на что-либо, «схватывание» предмета в виде смысла. Вне этой направленности человеческого сознания не существует, как, например, отсутствует оно у больного, находящегося в коме²³. Таким образом, вне социокультурного контекста не существует самого внутреннего мира человека. Микрокосмос включает в себя макрокосмос, одно без другого не может существовать. Привычные рамки внутреннего и внешнего в интеллектуальной биографии размываются, внешний мир плавно перетекает во внутренний²⁴.

²¹ К уже перечисленным можно добавить статью Т.Н. Поповой, посвященную современным биографическим разысканиям в историографии, но она лишь кратко суммирует уже высказывавшиеся в России и Украине суждения, см.: *Попова* 2012.

²² *Базанов* 2014.

²³ См. напр.: *Сартр* 1988; *Ландсгребе* 2002.

²⁴ В этом и состоит главное размежевание «интеллектуальной биографии» и проекта «экзистенциальной биографии». Выдвинутый Д.М. Володихиным концепт претендует на освещение взаимоотношений персонажа с окружающим его бытием, самим мирозданием и порождаемыми им вопросами. По мысли автора, занимаемой у философов-экзистенциалистов, общество при этом превращается в своего рода свидетеля этой дуэли, секундантом, отступающим на второй план. Однако подобная

Полагаем, не менее важен и поставленный О.Б. Леонтьевой вопрос о соотношении рефлекслируемого и нерефлекслируемого в сознании изучаемого индивида для составителя интеллектуальной биографии. Так, еще сам основатель интеллектуальной истории А. Лавджой в качестве объектов ее изучения среди прочих называл «бессознательные ментальные привычки, оказывающие воздействие на мысль индивида или поколения», «представляющиеся настолько само собой разумеющимися, что они скорее молчаливо подразумеваются, нежели формулируются или обеспечиваются»²⁵. Они столь естественны, что носитель их не замечает, но именно такой класс идей определяет способ мышления человека.

Как правило, исследователи придают огромное значение самооценкам индивида, в том числе самоотнесению с ведущими (на момент его жизни) течениями мысли (научными методологиями, философскими учениями, художественными направлениями и т.д.). Полагаю, однако, что к подобным высказываниям нужно относиться критически. Еще в 1922 г. в своей первой историографической работе будущий академик М.В. Нечкина отмечала: «...у многих и многих историков теория одно, а практика исторического исследования – другое. Ниже мы увидим, что если какой-нибудь историк заявляет себя последователем хотя бы теории экономического материализма, то это еще не значит, что ему удастся целиком приложить эту теорию к своему историческому исследованию; мы встретим зачастую резкие отступления от этой теории или тесную зависимость исследования от противоположной теории. Чаще всего это происходит незамеченным для самого автора»²⁶.

Эта чрезвычайно простая мысль в дальнейшем ушла из поля зрения историографов. К сожалению, то же свойственно и многим историкам идей. Вся система воззрений ученого (философа, деятеля искусств) представляется им в виде иерархической системы, во главе которой – наиболее общие философские воззрения субъекта на окружающий мир, а в основании – эмпирические исследования (произведения искусства, в которых эти предпосылки реализуются). Однако подобная позиция предполагает, что изучаемая персона, во-первых, наделена большой степенью рефлексии о своем творчестве, во-вторых, свободна в своей деятельности от вмешательства сторонних сил, которые могут вынудить внести в творчество чуждые ей идеи. В чистом виде эти условия не реализовывались нигде и никогда. Поэтому необходимо признать некоторую автономию за различными уровнями системы мировоззрения ин-

позиция не учитывает того факта, что восприятие окружающего мира у человека не носит прямого характера, оно всегда опосредовано общественными установками.

²⁵ Лавджой 2001. С. 12–13.

²⁶ Нечкина 2005. С. 200–201.

дива. Случаи, когда биограф обнаруживает противоречия в ее рамках, не следует расценивать в качестве ошибки биографа, равно как не стоит и затушевывать эти противоречия ради создания монолитно-цельной схемы мироощущения изучаемого персонажа. Вполне возможно, что они свидетельствуют о скрываемой индивидом «интеллектуальной оппозиции» окружающей социокультурной среде или о наличии в его сознании нерелексируемых им идей. В обоих случаях обнаруженные нестыковки не только не свидетельствуют об ошибке биографа, но и являются отправными точками для проведения нового исследования.

Помимо интеллектуального контекста каждый индивидуум живет в рамках собственной социальной среды, которая неизбежно воздействует на его творческий путь. Семья, государство, система образования, принадлежность к определенному социальному классу, стране, научной школе, академическому клану или группе деятелей искусства оказывает гигантское влияние на мыслителя (заметим, не всегда им самим осознаваемое). Поэтому в поле зрения автора интеллектуальной биографии должны помимо прочего находиться социальные механизмы производства и воспроизведения знания, при этом необходимо учитывать сложную, многоуровневую структуру самого общества. Интеллектуальная биография не может ограничиться наброском лишь общих тенденций развития общества, необходима реконструкция микроуровня повседневности изучаемого персонажа (П.А. Алипов именует их «внешним» и «внутренним контекстом»²⁷). Следует понимать, что исторические закономерности носят статистический характер и в каждом конкретном случае реализуются лишь с определенной степенью вероятности. Это накладывает на биографа обязанность по возможности разъяснять, почему та или иная тенденция оказалась реализована (или нет) на жизненном пути изучаемого индивидуума (конечно, в случае, если источники дают возможность ответить на данный вопрос).

Исходя из всего изложенного выше представляется возможным определить объект интеллектуальной биографии как динамически развивающуюся систему когнитивных взаимодействий индивида с окружающей его социально-интеллектуальной средой. Именно инструментом и одновременно порождением такого взаимодействия являются мыслительные конструкции, изучаемые авторами интеллектуальной биографии. По аналогии с названием жанра его также можно именовать «интеллектуальной биографией» (подобная двойственность уже существует в рамках историографической традиции, где «биографией» именуют как жизнеописание, так и сам жизненный путь человека).

²⁷ Алипов 2011. С. 18.

П.А. Алипов, как уже отмечалось выше, полагает, что в системе мировоззрения исторического персонажа можно выделить «статичное ядро, которое формируется в ранней молодости, а затем уже практически не претерпевает изменения»²⁸, и «динамичные элементы», которые, собственно, и подлежат изучению. Исходя из этого можно было бы отождествить эти «динамичные элементы» с предметом интеллектуальной биографии. Однако в данном случае суждение П.А. Алипова представляется излишне механистичным и абстрактным. Не ясно, почему в основу мировоззрения помещаются именно статичные элементы. Вполне возможно предположить, что они носят второстепенный, незначительный характер – и именно благодаря этому и сохраняют свой первоначальный вид. Априорным представляется и тезис о том, что это ядро формируется именно в «ранней молодости». Современная персональная история с большим скепсисом относится к подобному линейному изображению жизненного пути человека, считая его следствием ретроспективного взгляда биографиста, нежеланием рассматривать альтернативы в жизни изучаемого персонажа. Ядро, основу интеллектуальной биографии следует выявлять посредством тщательного анализа его представлений, выявления причинно-следственных связей между суждениями автора, и лишь затем обращаться к такому критерию, как статичность или динамичность. В целом же мы полагаем, что предметом нового жанра могут являться любые трансформации, аспекты существования и явления интеллектуальной биографии индивида.

Безусловно, дальнейшее развитие жанра потребует корректировки подобного аморфного понимания предмета, а также большей детализации и структуризации объекта интеллектуальной биографии. Сам же стремительно набирающий популярность жанр интеллектуальной биографии сможет занять достойное место в современной историографии. Однако для этого необходима постоянная рефлексия о его теоретико-методологических основах, в противном случае ему будет угрожать постепенное размывание и утрата специфики, переход от аналитики к простой описательности и, как следствие, упадок эвристической ценности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алипов П.А.* Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого: материалы всероссийской научной конференции: РГГУ, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 7-20.
- Андреев В.* «Интеллектуальна біографія» історика: експлікація поняття // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2011. Вип.5. С. 333-341.
- Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография ученого в контексте развития отечественной науки. Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2014.

²⁸ Там же. С. 18.

- Ващенко В. Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. К., 2009. Вип.4. С. 475-486.
- Волкогонова О.Д. Н.А. Бердяев: интеллектуальная биография. М., 2001.
- Володихин Д.М. Две версии микроисторической платформы в отечественной историографии // Диалог со временем. 2002. Вып. 8. С. 445-447.
- Володихин Д.М. Экзистенциальный биографизм в истории // Персональная история. М., 1999. С. 3-10.
- Воробьева О.В. А.Дж. Тойнби: на пути постижения истории. Очерк интеллектуальной биографии // Диалог со временем. 2003. Вып. 17. С. 115-169.
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
- Емельянов Б.В. Борис Чичерин: интеллектуальная биография и политическая философия. Екатеринбург, 2003.
- Казаков С.О. К интеллектуальной биографии Эрнста Юнгера // Диалог со временем. 2008. Вып. 24. С. 352-364.
- Лавджой А. Великая цепь бытия: История идей. М., 2001.
- Ландсгребе Л. Интенциональность у Гуссерля и Бретанье // Логос. 2002. № 2(33). С. 33-39.
- Лантвева М.П. Интеллектуальная интуиция как элемент интеллектуальной биографии // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2012. С. 58-61.
- Леонтьева О.Б. Интеллектуальная биография // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посв. 100-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана. Казань, 2013. С. 235-237.
- Мочкин А.Н. Фридрих Ницше: интеллектуальная биография. М., 2005.
- Нейман А.М. Биография в истории экономической жизни: опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 330-368.
- Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк) (Фрагменты книги. Предисловие И.Л. Беленького) // Россия и современный мир. 2005. №. 2. С. 192-207.
- Попова Т.Н. Историография в человеческом измерении // Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В.А.Смолій; відп. ред. О.А.Удод. К., 2012. Вип. 22. С. 265-292.
- Репина Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. Альманах. 2006. Вып. 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 2. С. 101-108
- Репина Л.П. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем. 2002. Вып. 8. С. 5-11.
- Сартр Ж.-П. Основная идея феноменологии Э. Гуссерля: интенциональность // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988. С. 318-321.
- Хатуцев С.В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография, 1850-1874 гг. СПб., 2007.
- Шестаков В.П. Интеллектуальная биография Эрнста Гомбровича. М., 2006.

REFERENCES

- Alipov P.A. Zhanr intelektual'noj biografii v sovremennoj rossijskoj istoriografii // Budshhee nashogo proshlogo: materialy vsrossijskoj nauchnoj konferencii: RGGU, 15-16 ijunya 2011 g. M., 2011. S. 7-20.
- Andreev V. «Intelektual'na biografija» istorika: eksplikacija ponjattja // Ejdos. Al'manah teorii ta istorii istorichnoj nauki. Kiiv, 2011. Vip.5. S. 333-341.

- Bazanov M.A.* Aleksandr Aleksandrovich Zimin: biografija uchenogo v kontekste razvitiya otechestvennoj nauki. Diss. ... kand. ist. nauk. Cheljabinsk, 2014.
- Vashhenko V.* Koncept «intelektual'na biografija» ta konstrujuvannja «naukovih biografij» v ukrains'kij istoriografii // Ejdos. Al'manah teorij ta istorij istorichnoji nauki. K., 2009. Vip.4. S. 475-486.
- Volkogonova O.D.* N.A. Berdjaev: intellektual'naja biografija. M., 2001.
- Volodihin D.M.* Dve versii mikroistoricheskoj platformy v otechestvennoj istoriografii // Dialog so vremenem. 2002. Vyp. 8. S. 445-447.
- Volodihin D.M.* Jekzistencial'nyj biografizm v istorii // Personal'naja istorija. M., 1999. S. 3-10.
- Vorob'eva O.V.* A.Dzh. Tojnbi: na puti postizhenija istorii. Oчерk intellektual'noj biografii // Dialog so vremenem. 2003. Vyp. 17. S. 115–169.
- Gurevich A.Ja.* Istoricheskij sintez i shkola «Annalov». M., 1993.
- Emel'janov B.V.* Boris Chicherin: intellektual'naja biografija i politicheskaja filosofija. Ekaterinburg, 2003.
- Kazakov S.O.* K intellektual'noj biografii Jernsta Jungera // Dialog so vremenem. 2008. Vyp. 24. S. 352–364.
- Lavdzhov A.* Velikaja cep' bytija: Istorija idej. M., 2001.
- Landgrebe L.* Intencional'nost' u Gusserlja i Bretan'e // Logos. 2002. № 2(33). S. 33-39.
- Lapteva M.P.* Intellektual'naja intucija kak jelement intellektual'noj biografii // Istoricheskaja nauka i obrazovanie v Rossii i na Zapade: sud'by istorikov i nauchnyh shkol / otv. red. L.P. Repina. M., 2012. S. 58-61.
- Leont'eva O.B.* Intellektual'naja biografija // Istorik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni: Materialy Mezhdunarodnogo foruma, posv. 100-letiju so dnja rozhdenija prof. A.S. Shofmana. Kazan', 2013. S. 235–237.
- Mochkin A.N.* Fridrih Nicshe: intellektual'naja biografija. M., 2005.
- Nejman A.M.* Biografija v istorii jekonomicheskoi zhizni: opyt intellektual'noj biografii Dzh.M. Kejnса // Istorija cherez lichnost': istoricheskaja biografija segodnja / pod red. L.P. Repinoj. M., 2005. S. 330-368.
- Nechkina M.V.* Russkaja istorija v osveshhenii jekonomicheskogo materializma (istoriograficheskij oчерk) (Fragmenty knigi. Predislovie I.L. Belen'kogo) // Rossiya i sovremennij mir. 2005. № 2. S. 192–207.
- Popova T.N.* Istoriofografija v chelovecheskom izmerenii // Istoriofografichni doslidzhennja v Ukraїni / Golova redkolegij V.A.Smolij; vidp. red. O.A. Udod. K., 2012. Vip. 22. S. 265-292.
- Repina L.P.* Biograficheskij podhod v intellektual'noj istorii // Filosofskij vek. Al'manah. 2006. Vyp. 32. Bendzhamin Franklin i Rossija: k 300-letiju so dnja rozhdenija. Ch. 2. S. 101-108.
- Repina L.P.* Personal'naja istorija i intellektual'naja biografija // Dialog so vremenem. 2002. Vyp. 8. S. 5-11.
- Sartr Zh.-P.* Osnovnaja ideja fenomenologii Je. Gusserlja: intencional'nost' // Problemy ontologii v sovremennoj burzhuaznoj filosofii. Riga, 1988. S. 318-321.
- Hatuncev S.V.* Konstantin Leont'ev: Intellektual'naja biografija, 1850-1874 gg. SPb., 2007.
- Shestakov V.P.* Intellektual'naja biografija Jernsta Gombrovicha. M., 2006.

Базанов Михаил Александрович, кандидат исторических наук, ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов Государственного учреждения «Объединенный государственный архив Челябинской области» (ГУ ОГАЧО); bazanov.86@mail.ru

**Intellectual biography: the contours of a new genre
in Russian and Ukrainian historiography**

The author analyzes Russian and Ukrainian works dedicated to the genre of intellectual biography. On the basis of this study, and on personal experience of creating intellectual biography, the author offers interpretations of the object and the subject of study in this new genre.

Keywords: intellectual biography, intellectual history, modern biographical history, object of study, subject of study, genre of historical literature, reflection, theory and methodology of the research.

Mikhail Bazanov, Ph.D, Leading archaeographer of Department of publication and scientific use of documents of the United State Archive of Chelyabinsk region; bazanov.86@mail.ru